

В ОСЕМНАДЦАТЫЙ век не случайно называют веком российского Просвещения. Это был век развития культуры, книгоиздания, зарождения новой литературы. В 1724 году была учреждена Российская Академия наук, в 1755 году открыт первый в России Московский университет, в 1757 году — Академия художеств. В 1750 году в театре над Волгой, в Ярославле, играли свои первые спектакли актеры волковской труппы. Этот год называют годом рождения русского национального театра. В 1756 году русский публичный театр был оформлен как государственное учреждение. Во главе театрального дела стоял первый русский актер Федор Григорьевич Волков.

Перечитывая документы той поры, находишь новые детали и факты, ранее не замеченные подробности, эпизоды, которые сегодня читаются иначе, чем вчера. Идешь по следам, казалось бы, давно уже известной и десятки раз изученной биографии и всякий раз испытываешь неожиданные чувства. О жизни-подвиге Волкова у нас, к сожалению, знают мало — и юные, и взрослые. В школьном учебнике основателю первого русского театра посвящено несколько строчек. Начинаешь рассказывать о Волкове — аудитория становится интересна все: и ярославский период его жизни, и годы учения в Петербурге и Москве, споры об искусстве с Сумароковым, пеппертуар театра, наконец, борьба Волкова за русский, национальный, демократический, общедоступный театр.

События жизни Федора Волкова похожи на легенду или сказку, фантастическое предание. Есть тут и «бесовские игрища», затеянные молодым Волковым в Ярославле, есть и сказочный скороход (по истории — полковник Дашков, объявивший знаменитый указ императрицы — требование ярославских комедиантов к царскому двору), есть и праздничный маскарад в finale. Однако жизнь Волкова и его товарищей по театру вовсе не была сказкой.

Федор Волков — актер, Волков — режиссер и драматург, Волков — художник и скульптор, Волков — поэт, Волков — мастер театральной техники и механики, выдающийся организатор театрального дела. Говорят, подобная многосторонность дарований присуща лишь талантам доброго старого времени, но не в этой ли многогранности, универсальной способности к творчеству и сирываетась загадка первопроходца? Волков думал, писал, творил, заглядывая вперед во времени. Он создавал театр близкий к жизни, его игра отличалась не пышностью декламации, заметит современник Волкова, просветитель Новиков, а была сродни естественной жизни «только что природой».

Театр Волкова был театром, в первую очередь, гражданским, патриотическим, политическим. Театр умел отражать время, эпоху, несмотря на то, что трагедии Сумарокова были трагедиями из жизни древней Руси. Зритель демократических словес видел в спектаклях нечто очень близкое себе: театр отстанет мотивы вольности, свободы, человеческого достоинства и гордости.

В трагедии Сумарокова «Семиради Сумарокова» Волков играл роль Оскольда, князя, втянувшегося в кровавую междуусобную войну. Попав в плен к своему сопернику и врагу, князю Олегу, Оскольд-Волков приходил к мысли о том, что подобные междуусобные войны напрасны, бесцельны, что единственный выход — соединить народы.

Театр утверждал высокие чувства русской национальной гордости и достоинства в ту самую пору, когда при дворе процветало раболепие перед иностранцами.

Споры Сумарокова с Волковым были нешуточными. Будучи директором театра,

его Екатерина хотела увидеть себя, просвещенную государственностью, хотела услышать гимны и песнопения в свою честь. Это себя, Торжествующую Минерву, богиню мудрости, надеялась сделать она героиней маскарада, утверждая под звонкие и веселые мотивы народного празднества идеи прочной деспотической власти. «Народ, который пляшет и поет, худа не думает». Это еще одно ее изречение. Но не Минерва — императрица

оказалась в центре карнавала. Народная толпа, разноголосая Русь, с фантастической свободой карнавального сюжета легко собирается в них недоставало одиночества.

Еще при Петре I на торговой Красной площади в Москве была построена «комедийная храмина» и учрежден театр. Он был назван тоже общедоступным. Но — играла немецкая труппа, на немецком языке, а в зале от силы было два десятка человек. Знала петровская эпоха театрализованные церемонии и маскарады, но

при всей их изобретательности в них недоставало одиночества.

Хромая Правда на костылях с переломленными весами — ее гонят кнутами. Переломленные весы — знак нарушенной справедливости — в маскараде встречались часто. Надпись: «Всеобщая пагуба». Обман. Змей, кроющийся в розах... Свинья в розах. Из кареты выглядит то лошадина морда, то обезьяна. Рядом с гигантами идут карлы и карлицы. «Оркестр, где осел поет». Были и одинокие герои — задумчивый и горький Диоген в бочке со свечой. Гераклит. Демокрит с глобусом... И снова — хор из невольников, карета Спеси, идущие с котомками, рог изобилия, обращенный вниз...

Маскарад надо было читать, как читают книгу, разгадывать, как разгадывают загадку. Маскарад разрастался в грандиозное, громадное полотно современной Волкову жизни.

Правда народная была настоящей царицей этого карнавала. Карнавала, в котором и в самом деле торжествовала мудрость. Мудрость Художника, Поэта, Гражданина Федора Григорьевича Волкова.

Театр «Торжествующей Минервы», в котором участвовали сотни людей простого звания, был настоящей школой гражданского мужества, в нем слышалась поэзия протеста, грозные рассказы близкого Пугачевского восстания.

«Торжествующая Минерва» славила науки и искусства, труд простых людей. На колесницах был представлен Парнас с Музами, Аполлон, земледельцы с их орудиями, науки и художества. Волков славил «земледельцев с орудиями», а рядом выступал Мир, «сжигающий военные орудия». Маскарад был полон утопий-мечтаний о возврате «золотого века».

Художник и гражданин эпохи, Волков выходил в маскараде на битву, на открытое поле. Маскарад подкосил силы Волкова. По преданию, он простудился в эти дни и через некоторое время умер от воспаления легких.

В наши дни говорят о традициях, заложенных Волковым в основание театрального дела в России. Миссию Волкова в российском театре продолжил ярославец, друг Волкова, выдающийся актер, удостоенный звания академика, Иван Афанасьевич Дмитревский. Первый исполнитель роли Стадоруда в «Недоросле». Ему суждено было стать учеником «царицы русской трагической сцены» Екатерины Семеновой, трагика Алексея Яковлева. Яковлев явился примером для Павла Мочалова. От Мочалова театральная эстафета перешла к Михаилу Щепкину. Щепкинские возврета на театральные искусства легли в основу системы Станиславского...

Была в Ярославском театре и еще одна традиция — бережно хранить в репертуаре, обновлять мемориальный спектакль о Федоре Волкове. Традиция эта должна жить.

М. ВАНИШОВА

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ МИНЕРВА

• Наши публикации

Исполнилось 280 лет со дня рождения и 225 лет со дня смерти основателя русского национального театра Федора Григорьевича ВОЛКОВА.

Сумароков строил театр го — и самого главного — просвещенного и привилегированного сословия, первого сословия, театр придворный. Он хотел, чтобы этот театр давал нравственные и политические уроки императрице, ее подданным. Уроки царям — с их согласия — это было желанием и мечтой многих художников будущего. Согласия Сумароков не дождался.

Волков отставал иной театр — не придворный, а общедоступный, публичный, «при всей России».

XVIII век получил позднее название «играющего» века. Игровая стихия захватывала многие стороны общественной жизни и быта. Век Екатерины II был маскарадным. «Театр есть школа народная, и государыня в ней старшая учительница». Изречение это принадлежит Екатерине. Как заманчива и прости первая часть этой формулы, как скрыта истинная суть ее! Не сразу постиг Волков, что люди в шитых золотом камзолах, в парче — тоже лицедеи, жалкие комедианты своего «придворного театра».

Когда Волкову вручили специальный императорский ордер на право быть устроителем, распорядителем, организатором торжественного маскарада по случаю коронации Екатерины в Москве, он обрадовался. Оншел в своем творчестве к искусству массовому, народному, карнавальному. Он знал о близости театра и площадной толпы. Площадь формировалась вкусами и запросами рядового зрителя. Площадной фольклор вбирал, поглощал в себя традиционные народные зреища. Спустя почти столетие Пушкин заметит: «Драма родилась на площади и составляла увеселение народное. Народ, как дети, требует занимательности, действия...» Пушкин задумывался о детище, созданном Волковым, говорил о «попытках Волкова», сомневался в достойных преемниках славы русского театра. Думая о судьбе русского театра, искал возможности придворную, «сумароковскую трагедию» «известную на площадь», заставить театр «отвыкнуть от аристократических своих привычек», «перейти от разговора разме-

сыала дутое и надменно-фальшивое величие, спесь с небес на землю, с земли — в преисподнюю.

Представим себя на московских улицах в 1763 году. Это были три дня: четверг, суббота и воскресенье (30 января, 1 и 2 февраля). Карнавал шел по столичным улицам, и народ вливался в это озорное, смеющееся действо-зрелище. По улицам Большой Немецкой, по обеим Басманной, затем по Мясницкой и Покровке, до Никольского моста, от него поворотил мимо Ильинских ворот до головинского дома, где была резиденция императрицы. С десяти часов утра и далеко за полдень маскарад возвращался к масленничным катальным горам, рядом с ними устроен был театр — разыгрывались комедии, показывали пляски, выступали фокусники («головокружение» и разные телодвижения), были охотники соревноваться вскачь. Глашатаи кричали: «С утра и до ночи! В маске и без маски! Кто как хочет! Всяко звания люди! Идите в маскарад!» По улицам были расположены пикеты из солдат пехоты, перекрывающие малые переулки и улицы, «дадут карнавалу никто не мог учинить остановки и препятствия», стояли пикеты и близ кабаков, при каждом дюжины солдат — велено было не пускать в кабаки служителей в маскарадных платьях.

Гремели полковые оркестры. Одну из основных частей маскарада Волков назвал «Превратный свет». Это была не просто забавная «небывальщина». В резких контрастных масках сталкивались и вели бой богатство и бедность, зло и добро, бессердечие и любовь. В числе пороков выступали Обман, Мздоимство, Слесь, Невежество. Сатирический пафос зрелища становился все явственней и ощущимей. Маскарад обнажал социальные язвы государства.

Бюрократы и волокитчики XVIII века шли со знаменами, на которых было написано «Завтра». Рядом — крючнописцы и духи сетеплетущие... Вот вместе в одной карете едут Кривосуд Обирайлов и Взяткоюб Обирай-